

прав в сети Интернет, лицензирование и ряд других сфер интеллектуальной собственности нуждается, на наш взгляд, в качественно новых подходах и решениях), избавит законодательство от устаревших, частично или полностью дублирующих друг друга норм, приведет к единообразию в терминологии и понятийном аппарате (так система нуждается в унификации норм в сфере лицензирования, в т.ч. открытой лицензии, процедуры подачи заявки и проведения экспертизы для различных объектов промышленной собственности и ряде других вопросов).

С учетом изложенного и анализа иностранного опыта правового регулирования отношений в сфере интеллектуальной собственности задачу по кодификации законодательства в сфере интеллектуальной собственности считаем актуальной и перспективной.

Список использованных источников

1. Кодекс интеллектуальной собственности (сводная версия на 01.01.2021 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wipo.int/ru/legislation/details/20914>. – Дата доступа: 05.10.2022.
2. Усов, Г. В. Правовое регулирование и защита интеллектуальной собственности во Франции / Г. В. Усов // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 3 (27). – С. 301-305.
3. Лосев, С. С. Актуальные проблемы развития институтов права интеллектуальной собственности в Республике Беларусь: монография / С. С. Лосев. – Минск : Колорград, 2018. – 254 с.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БАНКРОТСТВЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В. С. Каменков

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь*

В статье осуществлен критический анализ принятого в первом чтении на заседании восьмой сессии Палаты представителей Национального собрания 28 апреля 2022 г. законопроекта «Об урегулировании

неплатежеспособности». Обозначаются концептуальные достоинства и недостатки проекта закона.

Ключевые слова: несостоятельность, банкротство, финансовое оздоровление, неплатежеспособность, субъекты хозяйствования.

На заседании восьмой сессии Палаты представителей Национального собрания 28 апреля 2022 года в первом чтении принят законопроект **«Об урегулировании неплатежеспособности»**.

Как было сообщено на одном из информационных сайтов «...согласно проекту закона функции координации деятельности по финансовому оздоровлению предприятий и организаций переходят к Правительству Республики Беларусь и местным и распорядительным органам». Сейчас эту функцию выполняют Правительство и судебная власть.

Указано также, что местные и распорядительные органы по ходатайству негосударственных субъектов хозяйствования, находящихся на их территории, смогут согласовывать меры по предупреждению несостоятельности и банкротства, мониторить исполнение мер, а также оказывать содействие в исполнении этих мер.

О концептуальных достоинствах и недостатках проекта закона можно сказать вкратце следующее.

1. В ст. 1 из определения банкротства «уходит» характерный признак неплатежеспособности для банкротства: она должна иметь или приобретать устойчивый характер. В противном случае можно массу дел возбуждать в отношении всех убыточных организаций и ИП и не давать им работать.

То есть из дефиниции понятия «банкротство» предлагается исключить такую характеристику неплатежеспособности, как ее устойчивый характер (имеющийся или приобретающийся). Одновременно предлагается исключить из ст. 10 Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 415-З «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) положения, касающиеся порядка определения критериев неплатежеспособности, имеющей или приобретающей устойчивый характер.

Таким образом, исключается одно из институциональных начал и противовесов, касающееся органов исполнительной власти. В данном случае только суду, рассматривающему дело о банкротстве, придется взять на себя все бремя ответственности за выносимое решение о банкротстве должника с ликвидацией. К слову, стоит заметить, что похожая ситуация

уже была в истории развития отечественного банкротного законодательства и практики его применения. Тогда хозяйственным судам пришлось испытать немало трудностей:

по подготовке кандидатов в управляющие по делам о банкротстве, выделению конкретных управляющих из-за их недостатка по конкретным делам,

налаживанию мер о предупреждении экономической несостоятельности и банкротства со стороны собственников (в том числе государства), учредителей (участников) и ответственности за их принятие,

а также довелось приложить немало усилий, чтобы выстроить именно систему взаимодействия различных ветвей государственной власти.

Анализ актуальной судебной практики экономических судов показывает, что при признании должников экономически несостоятельными или банкротами эти суды всегда в своих решениях анализировали устойчивость неплатежеспособности.

Известно, что на практике со стороны различных государственных регулирующих органов и самих субъектов предпринимательства имеются серьезные претензии к нормативным значениям указанных коэффициентов, динамике их изменения и другие.

Но, на наш взгляд, это не повод, чтобы вообще не учитывать объективные экономические критерии, характеризующие экономико-финансовое состояние должника. Даже экономический суд, рассматривающий дела о банкротстве, не всегда компетентен определить методику и методологию расчетов коэффициентов ликвидности, обеспеченности собственными оборотными средствами, обеспеченности обязательств активами и их фактическое состояние. Это та сфера, которая требует специальных бухгалтерских, финансовых и экономических познаний. А когда решать будут райисполкомы, то какие и кто будет назначать экспертизы?

По нашему мнению, эффективнее было бы усилить роль районных и иных администраций в предупреждении банкротства, в досудебном оздоровлении несостоятельных компаний. Разумный баланс между органами исполнительной и судебной власти здесь бы явно не помешал.

В противном случае по делам о банкротстве в судах можно получить субъективный и формальный подход: будут признаваться банкротами те лица, которые фактически ими не являются, либо будет назначаться большое количество различных экспертиз экономико-бухгалтерского

толка. В итоге желание сократить время на рассмотрение дела о банкротстве в суде может обернуться противоположным результатом.

Следует отметить, что в мире имеются страны с несудебными процедурами банкротства. «...путь упрощения процедуры банкротства для особенно нуждающихся должников избрали некоторые зарубежные страны (например, Новая Зеландия, Англия), имеющие гораздо более богатый опыт законодательного урегулирования потребительского банкротства» [1].

Но, если взять за основу такой вариант (или смешанный), то следует урегулировать и возможность обжалования в суд те административные решения, с которыми субъекты банкротного процесса не согласны. Учитывать такое конституционное право на обращение в суд придется. В итоге может получиться не упрощение и сокращение сроков по делам о банкротстве, а их увеличение.

2. Многие должники при возбуждении в отношении них производства по делу о банкротстве еще рассчитывают на **защитный период**. И судебная практика знает такие случаи, когда возбужденные дела о банкротстве прекращались в связи с достижением целей защитного периода. Согласно ст. 1 Закона о банкротстве защитный период – это самостоятельная процедура банкротного процесса, применяемая к должнику с момента принятия экономическим судом заявления об экономической несостоятельности (банкротстве) в целях:

- 1) завершения досудебного оздоровления,
- 2) проверки наличия оснований для открытия конкурсного производства,
- 3) обеспечения сохранности имущества должника.

Судебная практика экономических судов Беларуси подтверждает, что правовые нормы о защитном периоде действующего Закона о банкротстве достаточно активно применялись для возврата имущества должника, неправомерно «ушедшего» от него. Например, решением экономического суда города Минска был признан недействительным договор субаренды, во исполнение которого была передана во временное пользование и владение часть изолированного нежилого помещения. Сделка была совершена менее чем за год до начала производства по делу об экономической несостоятельности, что противоречило требованиям законодательства.

В **проекте Закона** роль защитного периода существенно принижается. Он рассматривается как процедура, применяемая к

должнику с одной целью: проведения анализа достоверности фактов, изложенных в заявлении о несостоятельности или банкротстве. Авторы проекта и здесь пошли по пути максимальной оптимизации, граничащей с упрощенчеством, и рациональности во всем. Хотя за временным управляющим оставили права и обязанности по сохранению имущества должника. Предполагается, что изменение формулировки данного понятия направлено на сокращение срока защитного периода до одного месяца.

Но с такими функциями рассматриваемый период нельзя назвать защитным.

3. К сожалению, в проекте Закона предложено исключить понятие **«конкурсные кредиторы»**, под которым понимают представителя работников должника и тех кредиторов, обязательства перед которыми возникли ранее открытия конкурсного производства и которые включаются в реестр требований кредиторов. При этом сам реестр требований кредиторов и защита таких требований сохранены. Но в банкротной процедуре кредиторы по объективным и субъективным причинам могут появляться как до возбуждения конкурсного производства, так и после. Имеются в виду кредиторы, автоматически попадающие в реестр требований кредиторов, и те, которым придется защищать свои требования. И судебная практика экономических судов нашей страны подчеркивает, что разница между понятиями «кредиторы» и «конкурсные кредиторы» существует.

4. Термин о процедуре **«конкурсного производства»**, объективно говоря, сформулирован в проекте Закона не просто лучше прежнего, но более полно и понятно. Правда, нагрузка на него увеличивается в смысле количества целей, которые должны быть достигнуты. Конкурсное производство – процедура, применяемая к должнику в целях 1) проверки оснований для принятия решения о санации или 2) об открытии ликвидационного производства, 3) формирования реестра требований кредиторов, 4) определения признаков ложного банкротства, преднамеренного банкротства, сокрытия банкротства или препятствования возмещению убытков кредиторам (кредиторам), 5) обеспечения сохранности имущества должника.

Не трудно заметить, что в действующем Законе о банкротстве часть этих целей могла быть достигнута в защитном периоде. С позиции той же экономности и рациональности такие цели, как обеспечение сохранности имущества должника, определение признаков ложного банкротства,

преднамеренного банкротства, сокрытия банкротства, можно и нужно дублировать, как в защитном периоде, так и в конкурсном производстве.

5. Предлагается в проекте Закона почти «косметическое» изменение понятия **«крупная сделка»**. Упор делается на указание, что это сделка, влекущая распоряжение недвижимым или иным имуществом должника, стоимость которого на день совершения сделки составляет **двадцать и более процентов** стоимости всего имущества должника, определенной на основании данных бухгалтерского учета и бухгалтерской и (или) финансовой отчетности на первое число первого месяца текущего квартала, в отношении должника - индивидуального предпринимателя, а также юридического лица, применяющего упрощенную систему налогообложения, – сделка на сумму, составляющую триста и более базовых величин.

По своей сути это отказ от слова «балансовая» применительно к слову «стоимость» и троекратное увеличение суммы сделки в отношении должника - ИП, а также юридического лица, применяющего упрощенную систему налогообложения без ведения бухгалтерского учета (ст. 1 Закона о банкротстве). Но ведь отечественная и зарубежная (русская) законодательная, судебная практика подсказывают, что имеются и иные формулы определения понятия «крупная сделка». В частности, опасность для сохранности имущества должника, как и важность при попытках его возврата (формирование конкурсной массы), представляет не только единичная сделка на двадцать и более процентов, но и несколько более мелких, но взаимосвязанных сделок. Не всегда и сумма процентов равна цифре «двадцать». В законодательстве других государств более гибкие подходы. И нам тоже следует перенять такую «гибкость».

6. Один из системообразующих терминов действующего Закона о банкротстве – **«неплатежеспособность»** также, по нашему мнению, формулируется в проекте Закона недостаточно полно. Неплатежеспособность предлагается раскрыть как финансовое состояние должника, характеризующее его неспособность исполнить денежные обязательства, обязательства по выплате выходных пособий и оплате труда лиц, работающих (работавших) по трудовым договорам (контрактам), срок исполнения которых наступил. В действующем Законе о банкротстве неплатежеспособность определяется, как неспособность **в полном объеме** удовлетворить требования кредитора (кредиторов) по платежным обязательствам, а также по обязательствам, вытекающим из трудовых **и связанных с ними** отношений (ст. 1 Закона о банкротстве).

7. Очень некорректно сформулирована редакция части 1 ст. 6 (*Несостоятельность устанавливается на основании заявления должника о своей несостоятельности*) и часть 1 ст. 7 проекта Закона (*Правом на подачу в суд заявления должника о несостоятельности обладает должник*). Главная мысль в том, что заявления о несостоятельности должен подавать только сам должник. При этом необоснованно лишаются законного права на подачу такого заявления кредиторы и иные уполномоченные лица, которые не хотят ожидать состояния банкротства должника.

8. В проекте Закона о банкротстве (ст. 63) целесообразно записать, что собрание кредиторов принимает не просто решение о согласовании плана ликвидации должника, а решение о согласовании условий ликвидации, имея в виду ее разные варианты, в том числе условия возможного медиативного соглашения кредиторов, управляющего и должника. Конечно, это касается и условий прекращения деятельности должника-ИП.

9. *Изменение порядка извещения кредиторов о собрании кредиторов и разъяснение, что является надлежащим извещением.* Надлежащим уведомлением предлагается признать размещение сведений о проведении собрания кредиторов в Едином государственном реестре сведений о банкротстве (далее – Единый реестр) с одновременным размещением бюллетеня для голосования не позднее чем за десять дней до даты проведения собрания кредиторов (ч. 8 ст. 63 Проекта). При размещении сведений о проведении первого собрания кредиторов бюллетень для голосования не размещается. По нашему мнению, остаются сомнения в части доступности к Единому реестру для всех слоев населения Республики Беларусь и юридических лиц. Возможно, следует продублировать такую информацию иным, более доступным образом, чтобы не допустить нарушения прав и законных интересов кредиторов (в особенности социально и информационно незащищенных).

10. В проекте Закона (ст. 106, 107) следует конкретизировать права и обязанности управляющего в отношении санации и ликвидации должника. Он вправе и обязан не просто проводить абстрактную процедуру санации или ликвидационного производства и не только разрабатывать план санации или ликвидации должника, а готовить различные варианты санации или ликвидации. Тогда у кредиторов и экономического суда будет альтернатива при принятии решения о санации или ликвидации, в том числе с медиативной версией. Уменьшатся и коррупционные риски.

11. Это же правило (вариативность) применимо и к мировому соглашению.

Имеются и другие предложения. В частности, следует в рамках Союзного государства как-то начать сближение конкурсного законодательства наших двух стран.

Список использованных источников

1. Институт несостоятельности (банкротства) в правовой системе России и зарубежных стран: теория и практика правоприменения : моногр. / А. З. Бобылева, И. В. Фролов [и др.] ; под ред. И. В. Фролова, С. А. Карелиной. – Юстицинформ, 2020. – 360 с.

ОБ ИМУЩЕСТВЕННОЙ КОМПЕНСАЦИИ КАК СПОСОБЕ ЗАЩИТЫ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

В. В. Карпенков

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
Институт управленческих кадров, Московская ул., 17, Минск
karpenkauwork@yandex.ru*

Анализируется возможность и необходимость применения имущественной компенсации для гражданско-правовой защиты юридических лиц, а также отличие данного способа от возмещения убытков.

Ключевые слова: нематериальные блага, компенсация вреда, убытки, вред.

Суть гражданско-правовой защиты состоит в возможности требовать восстановления своего нарушенного правового положения и устранение неблагоприятных последствий правонарушения, которые определяются в гражданском праве термином «вред». В результате применения мер гражданско-правовой защиты вред, независимо от его характера, должен быть возмещен или компенсирован. С этой целью в законодательстве (в том числе, в ст. 11 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) закреплены такие способы защиты гражданских прав как возмещение убытков и компенсация вреда.